

Виктюк подставил Образцову

Творческий вечер знаменитой оперной певицы Елены Образцовой состоялся в Большом театре. В программке, помимо двух верных друзей — Зураба Соткилавы и Маквалы Касрашвили, значилось также интригующее трио Игоря Бутмана, а еще Роман Виктюк, взявший на себя роль постановщика.

Известия 2001-07-07 стр. 13.

Илья КУХАРЕНКО

Сорок лет сценической деятельности Елена Образцова справляет в течение всего сезона, но не столь пышно, как свой недавний юбилей. Вот и на этот раз в зале, заполненном, но не набитом, совсем не мелькали знаменитые лица политиков и звезд шоу-бизнеса, которые в последнее время отчего-то страстно полюбили оперу в варианте стареющего Паваротти и молодящегося Баскова.

Образцова, несмотря на годы, все еще звезда другого — более высокого — класса. Ей по силам быть честной с публикой, несмотря на все шероховатости и вокальные сбои. Конечно, подобные концерты можно было бы назвать своего рода охотой за призраками прошлого. Но в случае Образцовой — охотой, несомненно, удачной.

Пусть арии Любаши и Шарлотты из «Царской невесты» и «Вертера» в исполнении бенефициантки промелькнули незамеченными. Пусть знаменитая Графиня из «Пиковой», на этот раз не сидевшая в кресле, а исполнявшая трясущими руками старинные па, не вызвала холодной и сладостной дрожи у публики. Зато Кармен была роскошной. Фирменный гортанный рык в «Хабанере» и «Сцене гадания» воскрешал в памяти образцовские триумфы в этой партии двадцатилетней давности. Особой стала и финальная сцена — Зураб Соткилава в роли доведенного до отчаяния Хозе временами тоже звучал как в добрые старые времена, демонстрируя роскошный тембр своего тенора. Грузинский темперамент заставил Соткилаву метаться по сцене, все время выбирая между партнершей и дирижером — ведь эту партию он не пел много лет. Но даже его старомодные и забавные жесты не потушили эмоционального пожара, разгоревшегося между Кармен и Хозе.

В какой-то момент Образцова вдруг забыла про нелепые драпировки из «Раймонды» и розовый ковролин на полу, про беспомощных виктюковских мальчиков, неумело кривлявшихся телом и голосом, про поскрипывающий и побряцывающий оркестр под управлением Павла Клиничева. «Свобод-

ЛАРИСА ПЕДЕНЧУК

Образцова доказала, что она все еще звезда

ной родилась, свободной и умру». Точка. Ради одного этого момента и стоило прийти в тот вечер в театр. А после можно было уходить.

Из всего, что было спето во втором отделении, запомнилась лишь оффенбаховская Перикола с «Куплетами признания» и знаменитой «Сценой опьянения». Впрочем, и туалет — певица накинула белый меховой жакет, надела огромную опереточную черную шляпу, — и чувственное контральто больше подходило по стилю не бедной перуанской танцовщице, а штраусовской веселой вдове.

Не знаю, огорчаться или радоваться тому, что режиссура Виктюка оказалась столь невыразительной. Все, что делали Дмитрий Бозин и его чернокожий напарник, не означенный в программке, вызывало даже не смех, а ощущение жгучего стыда. Благо, в паузах между ариями, когда случались эти конфузные приступы режиссуры, можно было отвлечься и закрыть глаза.

В финале на сцене появились музыканты из джазового трио Игоря Бутмана, а Елена Образцова присела на высокий барный табурет и, облокотившись на рояль, запела в микрофон знаменитые джазовые стандарты. Музы с живописного плафона от такой дерзости не падали, но и особых восторгов публика не выражала. Композиции с латинским привкусом боссановы или самбы у влюбленной в Испанию Образцовой выходили явно удачнее, нежели спетые на неуверенном английском стандарты вроде гершвиновского «The man, I love», где певица балансировала на грани цыганского романса.